

# Хронотоп в культуре средневековой Англии

УДК 82-97(410.1)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-80-92

## Хронотоп в древнеанглийской агиографии (проблема жанровой классификации)

Наталья Ю. Гвоздецкая

*Российский государственный гуманитарный университет,*

*Москва, Россия;*

*Сретенская духовная академия, Москва, Россия,*

*ngvozdz@yandex.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются пространственно-временные координаты повествования в пяти древнеанглийских житиях: девы мученицы Юлианы (аллитерационная поэма Кюневульфа, VIII–IX вв.), дев-мучениц Агаты и Агнес (проза Эльфрика Грамматика, конец X в.), жития святого епископа Николая Мирликийского и отшельника-аскета Эгидия (анонимная проза XI в.). Выделяется три вида координат, которые определяют жанровую специфику произведения: мир земной, мир сакральный (библейский) и мир трансцендентный. В житии святого епископа земной план превалирует над двумя другими, что отвечает характеру его деятельности и власти. В рассказе о жизни отшельника-аскета значительное место занимает отсылка к библейским, особенно евангельским событиям (пробуждающим поступки святого), а также его контакты с миром трансцендентным. В житиях дев-мучениц трансцендентный мир выдвигается на первый план, в то время как земные координаты сведены к минимуму, а библейские аллюзии выполняют назидательную роль. В поэтическом житии девы-мученицы Юлианы заметно влияние германской мифоэпической традиции, которое проявляется в эпизодии и гиперболизации описаний благодаря использованию героико-эпических мотивов и фразеологии.

*Ключевые слова:* древнеанглийская агиография, хронотоп, жанровая специфика, мифоэпическая традиция, девы-мученицы Юлиана, Агата и Агнес, св. Николай Мирликийский, св. Эгидий, Эльфрик Грамматик, Кюневульф

*Для цитирования:* Гвоздецкая Н.Ю. Хронотоп в древнеанглийской агиографии (проблема жанровой классификации) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 80–92. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-80-92

© Гвоздецкая Н.Ю., 2025

## The chronotope in Old English hagiography (the problem of genre classification)

Natalia Yu. Gvozdetskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;*

*Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia,*

*ngvozd@yandex.ru*

*Abstract.* The article explores the spatial and temporal coordinates of the narrative in five Old English hagiographies of the Virgin Martyr Juliana (by Cynewulf, 8<sup>th</sup> – 9<sup>th</sup> centuries), the Virgin Martyrs Agatha and Agnes (by Ælfric Grammaticus, late 10<sup>th</sup> century), the Holy Bishop Nicholas of Myra, and the ascetic Hermit Aegidius (anonymous, 11<sup>th</sup> century). There are three types of coordinates that determine the genre specifics of the work: the earthly world, the sacred (biblical) world, and the transcendent world. In the life of the Holy Bishop, the earthly realm takes precedence over the other two, reflecting the nature of his activities and power. The life of the ascetic Hermit significantly references Gospel events and his connections to the transcendent world. In the lives of the Martyred Virgins, the transcendent world is emphasized, while earthly coordinates are diminished, and biblical allusions serve an enlightening role. In the poetic life of the Virgin Martyr Juliana, the influence of the Germanic mythoepic tradition is evident, manifesting in the episation and hyperbolisation of descriptions through the use of heroic-epic motifs and phraseology.

*Keywords:* Old English hagiography, chronotope, genre specifics, mytho-epic tradition, virgin martyrs Juliana, Agatha and Agnes, St. Nicholas of Myra, St. Aegidius, Ælfric Grammaticus, Cynewulf

*For citation:* Gvozdetskaya, N.Yu. (2025), “The chronotope in Old English hagiography (the problem of genre classification)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 80–92, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-80-92

В древней Англии агиография как разновидность литературы зародилась вследствие развития монастырской письменности после христианизации англосаксов посланцами римской и ирландской миссий. Будучи различными по форме (проза и поэзия) и языку (латинский и древнеанглийский), труды англосаксонских агиографов (конец VII–XI вв.) в целом следовали канонам континентальных житий, хотя латинские источники перерабатывались согласно запросам местной аудитории. Классификация этих разнообразных произведений, наряду с указанными формальными признаками, базируется, как правило, на типологии представленных в них святых (апостолов, мучеников, преподобных, святителей и т. п.). Новизна

данной работы состоит в попытке показать, что в подобной типологической классификации житий большую роль играет не только характер композиции и топосов, но также взаимосвязь художественного пространства и времени – хронотоп, который, по М. Бахтину, имеет решающее значение в определении жанровых разновидностей литературных произведений [Бахтин 1975, с. 234].

Особенность агиографического нарратива заключается в том, что святой представлен в нем не только как существующий в земном времени и пространстве, но и как пребывающий в тесном общении с миром трансцендентным и его обитателями, миром вечности. Поскольку же такое бытие святого имеет основания в Священной (прежде всего библейской) истории, выступающей прообразом земной истории христианской Церкви, то представляется возможным выделить и третье измерение – мир сакральный, который противостоит земному настоящему как мир священного прошлого, отличающийся, однако, от мира трансцендентного, мира вечности. С другой стороны, нельзя не учитывать, что древние германские народы воспринимали христианское вероучение сквозь призму героико- (или мифо-) эпических представлений языческих времен, предполагающих иное восприятие времени и пространства.

Данная классификация представляется удобным инструментом для изучения жанровой специфики отдельных памятников агиографической поэзии и прозы англосаксов. Для сравнения выберем пять произведений на древнеанглийском языке, представляющих три типа святых – девы мученицы Юлианы (аллитерационная поэма Кюневульфа, конец VIII – начало IX в.), дев-мучениц Агаты и Агнес (Эльфрик Грамматик, конец X в.), жития святителя Николая Мирликийского и отшельника-аскета Эгидия (анонимная проза конца XI в.). Начнем с прозы, более близкой латинским источникам<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Анонимные древнеанглийские жития св. Николая и св. Эгидия, дошедшие в рукописи *Corpus Christi College, Cambridge*, 303, опубликованы в (Treharne 1997a, pp. 83–100, 131–147), вместе с их предполагаемыми латинскими источниками (Treharne 1997a, pp. 174–206). Об истории указанной рукописи см. в (Treharne 1997b). Анализ древнеанглийских житий св. Агаты и св. Агнес, принадлежащих Эльфрику Грамматику, опирается в данном исследовании на издания (Skeat 1966; Donovan 1999a). Эльфрик нередко использует аллитерацию, однако не выдерживает строгих правил древнегерманского аллитерационного стиха, поэтому его произведения остаются ритмизованной прозой. История преданий о святых девах представлена в (Donovan 1999b), их гендерный аспект раскрыт в (Donovan 1999c). Перевод всех указанных житий с древнеанглийского языка – мой, перевод с латыни анонимного жития св. Эгидия – И.В. Кувшинской (Кувшинская 2015).

Земное время и пространство наиболее полно и адекватно представлено в житии св. Николая благодаря упоминанию имени императора Константина и восьми имен его приближенных (военачальников и слуг), а также конкретных топонимов: названы по имени три провинции, города Патара, Миры (Ликийские), Александрия, Константинополь, гавань Адриатик и даже улица в городе Леонти. За счет этого достигается реалистичность повествования, хотя реальность некоторых из этих мест неясна.

Напротив, отсылка к сакральному (библейскому) времени и пространству представлена всего двумя неточными парафразами евангельских слов Христа (Лк. 14:33 и Ин. 16:24), а также упоминанием изгнания Адама из Рая в наставлениях святителя. Следует отметить, что в предполагаемом анонимном латинском источнике библейских аллюзий гораздо больше (это ссылка на события, связанные с именами Авраама, Лота, Содомы и Гоморры, Иакова и Лавана, Захарии и Елизаветы, Иоанна Крестителя), но они ограничены риторическими пассажами, которые убраны в древнеанглийском переложении вследствие незнакомства рядового англосаксонского читателя с античной риторикой.

Еще менее явно представлено в житии св. Николая трансцендентное время и пространство. Ангелы не появляются ни разу (упоминается только «голос с неба», повелевший поставить Николая в епископы); диавол же, чтобы отомстить святому за искоренение идолопоклонства, при передаче колдовского еля вынужден принять вид некоей старицы, т. е. вполне земной облик (*se deofol hine selfne gehiwode swylce he an eald wif wære* <Treharne 1997a, p. 91>).

Св. Николай спасает в бурю моряков, появляясь на корабле чудесным образом, но под видом их товарища. Интересно, что реализм эпизода усилен в древнеанглийском переложении: в латинском источнике морякам «явился некто в подобии мужа» (*apparuit quidam in similitudine viri* <Treharne 1997a, p. 186>)<sup>2</sup> и начал помогать им со снастями; в древнеанглийском же тексте он «начал помогать им с канатами и мачтами... как будто был одним из них» (*he ongan heom to helpane on rapum ond mæstum... swilce he wære an of heom* <Treharne 1997a, p. 89>).

В рассказе упоминается любовь св. Николая и его родителей к Царству Небесному (*to þam urþlican rice*), а также имена Божии – Христос, Спаситель, Дух Святой, Царь Небесный, чьей силой совершаются чудеса, за которые святой благодарит Бога.

---

<sup>2</sup> Здесь и далее древнеанглийское житие св. Николая и его латинский источник цит. по: [Treharne 1997]. Мой перевод древнеанглийского жития св. Николая опубликован в (Гвоздецкая 2017).

Однако общение Николая с потусторонним миром не стоит в центре рассказа – акцент делается на его реальной помощи людям. И хотя нередко эта помощь представляется как чудо, однако чудеса эти далеко не всегда противоречат законам природы и не связаны напрямую с молитвами святого. Лишь единожды чудо приписывается молитве самого святого; и лишь один раз чудо имеет прообраз в евангелии (мотив умножения хлебов). Таким образом, контакт с трансцендентным временем и пространством сведен до минимума: святитель действует скорее властью, уговором и авторитетом, что отвечает его сану епископа.

Эгидий представляет иной тип святости – отшельника-аскета, хотя и вынужденного принять священнический сан и звание аббата. В житии св. Эгидия, родом грека, но подвизавшегося на юге Франции, земные параметры представлены достаточно четко: показан его путь из Афин в Марсель, Арль, затем в Септиманию и город Ним, далее в Орлеан, в пределы франкского королевства, и, наконец, в Рим. Вместе с тем знание англосаксонским анонимом географии Франции несовершенно: заменив имя знаменитого епископа Цезария Арелатского на имя неизвестного Евсевия, он помещает того в Марселе, так что становится непонятно, зачем Эгидий, желавший познакомиться с епископом, отправляется в Арль. Эту замену принято объяснять желанием автора устранить несоответствие в хронологии, поскольку Цезарий, чьи труды были известны англосаксам, жил в начале VI в., а упоминаемый в тексте король готов Флавий (известный историкам также под именем Вамба), покровитель Эгидия, правил в конце VII в. (Treharne 1997c, p. 129).

Земная география и хронология становятся, по-видимому, не столь важны в житии отшельника, посвятившего себя молитве и аскезе. Возможно, по этой причине как в латинском, так и в древнеанглийском тексте отсутствует имя папы, под власть которого Эгидий поставил свой монастырь. Отсюда понятно также появление «собирающего» образа короля Карла: он наделен властью императора Карла Великого, но правит во времена Карла Мартелла, деда императора. Зато библейские аллюзии, прямо или косвенно отсылающие к эпизодам Священной истории, пронизывают собой весь текст жития св. Эгидия. Так, из пятнадцати совершенных им чудес девять имеют прообраз в евангельских эпизодах (исцеляет девицу от горячки, а также бесноватых и расслабленного, воскрешает юношу и т. п.), одно – в житии св. Мартина (делится туникой), причем неоднократно подчеркиваются горячие молитвы Эгидия Богу.

Обитатели ада и рая не маскируются в его житии под земные сущности. Бес, мучивший бесноватого, представлен в древнеан-

глейском тексте именно как «злой дух», «враг рода человеческого» (*se awergedede gast, mancynnes feond*); в латинском источнике бесноватый тоже мучим «демоном», «злым духом», «врагом рода человеческого» (*a daemonio, maligno spiritu, humani generis inimice*)<sup>3</sup>; покидая исцеленного Эгидием человека, бес вопит, как подобает бесу, а не причитает, как «старлица-дьяволица» в житии св. Николая. Ангел же сам является в алтаре Эгидию именно как «ангел Господень» (лат. *angelus Domini*, древнеангл. *Godes engel*) и кладет на престол послание с отпущением грехов королю Карлу.

Наиболее же яркое свидетельство теснейшего контакта Эгидия с миром трансцендентным дает описание его смерти. В латинском источнике его переход в мир иной сопровождается чудесными знаменами: «верные, присутствовавшие при его кончине, рассказывали, что слышали ангельские хоры, с ликованием переносившие на небеса святую душу» (Кувшинская 2015, с. 29) (*Affuerunt enim in illius transit fideles, qui dicerent se choros angelorum audivisse sanctam illius animam in caelum cum laudibus ferentium* <Тreharne 1997a, p. 206>). В древнеанглийском переложении эти ангельские хоры направляет сам архангел Михаил, упоминаемый по имени (Тreharne 1997a, p. 147). Как древнеанглийский текст, так и латинский источник жития заканчиваются молитвенным обращением автора к святому Эгидию с просьбой о заступничестве перед Богом. Подобная концовка, воссоздающая атмосферу храмового богослужения, направлена на то, чтобы обеспечить читателю столь же тесный контакт с потусторонним миром, каким обладал Эгидий. Отметим при этом, что житие св. Николая не упоминает его кончины и загробной участи.

В житиях святых дев-мучениц Агаты и Агнес, принадлежащих Эльфрику Грамматику, земное время и пространство детализовано еще менее, чем в житии отшельника Эгидия. В обоих упоминаются происхождение и посмертные чудеса дев, однако земной хронотоп их житий, относящихся к разряду *passio*, ограничен временем и местом их мученичества. Это Сицилия времен правления Квинтиана для Агаты, Рим времен правления префекта Симпрония для Агнес. Рассказ Эльфрика включает меньшее число имен собственных по сравнению с латинскими редакциями: опущены имена императора Декия, апостола Петра, городов Катании и Палермо, не названы

---

<sup>3</sup> Здесь и далее древнеанглийское житие св. Эгидия и его латинский источник цит. по (Тreharne 1997a). Мой перевод древнеанглийского жития св. Эгидия опубликован в [Гвоздецкая 2018]. Перевод анонимного латинского жития св. Эгидия принадлежит И.В. Кувшинской (Кувшинская 2015).

по имени сообщники Квинтиана, хотя упомянут вулкан Этна, чье извержение было остановлено надгробным покровом Агаты.

Мученичество обеих дев сопровождается непосредственным явлением сил ангельских и бесовских, которые прямо обнаруживают свой сверхъестественный характер, чем обеспечивается введение в рассказ трансцендентного времени и пространства. В доме блудниц, куда была отослана Агнес, ей помогает ангел Божий, озаряя все небесным светом и прикрывая туникой ее наготу; в темнице Агате является сквозь запертую дверь седовласый муж (в латинском тексте – апостол Петр), который мгновенно исцеляет ее увечную грудь. При погребении Агаты ангел в образе юноши устанавливает табличку с надписью на ее гробнице, свидетельствуя о святости девы. Обе девы неоднократно обращаются с молитвой к Богу, имена Божии неоднократно появляются в их диалогах с мучителями, языческие идолы трактуются как обиталище бесов, а дьявол упоминается как сразивший сына префекта, пытавшегося осквернить Агнес. Агата прямо говорит о вмешательстве трансцендентного мира в ее судьбу: «Коль пожелаешь ты напустить на меня диких зверей, они будут тотчас укрощены именем Спасителя. Коль приготовишь для меня костер, скоро снидет на меня целительная роса от ангелов Господних. Коль будешь грозить мне бичеванием, так на это есть у меня Дух Святой, чрез Коего смогу я отразить все твои удары» (Гвоздецкая 2022, с. 63)<sup>4</sup>. Смерть Агаты трактуется как переход в вечность: «она отдала Богу душу и отошла ко Господу» (Гвоздецкая 2022, с. 66); по смерти Агата является родителям вместе с сонмом небесных дев.

Встречаются в житиях Агаты и Агнес также библейские аллюзии, показывающие, что события укоренены в сакральном пространстве и времени Священной истории. Ответы дев мучителям включают парафразы библейских цитат (так, Агнес образно описывает своего Небесного жениха и Его духовные дары в терминах телесных украшений, встречающихся в Книге Песни песней). Сомнения Симпрония, вначале не желавшего казнить Агнес, напоминают сомнения Понтия Пилата, а крики народа, требовавшего ее казни – вопли толпы, требовавшей казни Христа.

Перейдем к поэтическому изложению мученичества святой девы Юлианы, созданному Кюневульфом на основе латинских версий ее жития. Здесь обнаруживаются те же виды пространственно-временных координат, что и в житиях прозаических (земные, сакральные, трансцендентные, опять-таки с преобладанием двух последних), которые, однако, приобретают несколько иной характер вследствие

<sup>4</sup> Древнеанглийское житие Агаты здесь и далее цит. в моем переводе (Гвоздецкая 2022).

гиперболизации и эпизации повествования, свойственных древнегерманской поэтической традиции. Композиция поэмы отвечает житийному канону дев-мучениц, отразившемуся в житиях Агаты и Агнес. Тут присутствуют все те же основные сюжетные структуры: экспозиция (сообщение о месте и времени событий), завязка (отказ девы знатному жениху-язычнику), развитие действия (диалоги и пытки), кульминация (помощь деве посланца Божия и посрамление дьявола), развязка (мученическая смерть и принятие девы в небесные обители) и постпозиция (смерть мучителя). Однако выдержано повествование в иных, героико-эпических тонах.

В прозаических житиях зачины указывают место и время действия кратко, через топонимы и имена правителей. В «Юлиане» зачин разрастается почти до двадцати поэтических строк, чем подчеркиваются эпические масштабы происходящего, причем эпизация обнаруживается уже в обращении поэта к слушателям, имитирующем приемы устного сказительства (Hwæt! We ðæt hyrdon / hæleð eahtian, / deman dædhwate, Juliana, 1–2a «Вот, мы прослышали, / как герои сказывали, / судили деяньми славные»)<sup>5</sup>. Содержание поэмы представляется как достояние молвы, передатчиками которой выступают члены дружинного сообщества (подобный образ дружинника-скопа рисует поэма «Видсид»).

Действие поэмы происходит в царствование римского императора Максимиана в Никомидии, где правит префект Элевсий. Пределы власти Максимиана обретают невиданные масштабы: его царство столь обширно, что и гонения его на христиан получают вселенский характер, распространяясь по всему «срединному» (обитаемому) миру (ofer middangeard, 3b), в наименовании которого слышатся отзвуки представлений о Мидгарде, центре вселенной в германской мифологии. Преследования Максимиана удваиваются в начале рассказа: вслед за его собственными действиями перечисляются действия его сподвижников.

Столь же эпизирована и гиперболизирована аудитория, перед которой Юлиана произносит обличительную речь против Элевсия. В тексте сказано, что дева говорила «перед толпой мужей» (on wega menğu, 45b). Оскорбительным представляется Элевсию именно то, что Юлиана якобы оклеветала его «перед народом» (fore řissum folce, 74a). Напротив, собеседники дев в текстах Эльфрика вполне конкретны: Агата возражает Афродосии, Агнеса – своему жениху и его родне. Свойственная эпосу публичность диалогов (в «Беовульфе», например, таковые носят почти что церемониальный ха-

---

<sup>5</sup> Здесь и далее древнеанглийский текст поэмы «Юлиана» цит. с указанием номеров поэтических строк по: (Foys 2019). Перевод мой. – Н. Г.

рактер [Гвоздецкая 2016]) подчеркивается и далее. Когда Юлиана возражает Элевсию на суде, красотой девушки восхищаются воины (*duguð*, букв. «дружина») и весь народ. Элевсий также произносит свои угрожающие слова «перед народом» (*for þam folce*, 184a).

Речи Юлианы не только занимают больше места по сравнению с прозаическими житиями, но и отличаются более воинственным настроем. Она сама приравнивает столкновение с отцом к битве, говоря, что ее не страшит «грохот сраженья» (*hildewoma*, 136). А Элевсий уподобляет ее борьбу против языческих богов войне, великому и страшному бою (*Læt þa sace restan, / lað leodgewin*, 200a–201b). В ответ Юлиана называет Элевсия «зло-вредителем» (*womsceaða*, 211a), утверждая, что Спаситель защищает ее от «хватки врагов», чар злых духов (*scinlase... gromra gripe*, 214–215a). В речах Юлианы бесы тракуются как антигерои, лишённые того, что отличает испытанную дружину, – добродетели, понимаемой в контексте героического мира как сила и власть (*duguþ*): так, об идолопоклоннике говорится, что он не найдет «добродетели (иначе: силы) у бесов» (*duguþe mid deoflum*, 221a). Прославление Юлианой Бога завершается (как в хвалебной песни, прославлявшей вождя дохристианских времен) формульным словосочетанием *þæt is soð cyning* (224b) «то есть истинный конунг». Героико- и мифо-эпическая фразеология используются в «Юлиане» и по отношению к Элевсию, мучителю девы: он выступает одновременно и как *folctoga* (225a) «воевода», и как *laðgeniðla* (232a) «мерзкий враг» (эпитет мифических чудовищ).

В героико-эпических терминах битвы выдержан диалог Юлианы с демоном, явившимся к ней в тюрьму. Уже само по себе появление сверхъестественного существа, с которым святая вступает не только в словопрения, но и в физическую схватку (с помощью Божией она оказывается способной схватить беса и крепко держать его до конца диалога), ставит ее в один ряд с эпическими героями наподобие Беовульфа, что отображается в тексте через использование по отношению к Юлиане эпитета *bealdor* «храбрец, герой, вождь» (*mægþa bealdor*, 568a «из дев храбрейшая»). Бес удивляется отваге Юлианы, вопрошая ее, как она, «дерзкая разумением, стала способной к битве» (*hu þu gedyrstig / þurh deop gehygd, / wurde þus wigbrist*, 431–432a). При этом бес именуется не только через латинское заимствование *deofol* «диавол» или через кальки эпитетов, известных из континентальной христианской литературы (*unclæne gæst*, 418b «нечистый дух»; *þystra stihtend*, 419b «князь тьмы»), но и через выражения, подобающие мифическим монстрам (*aglæsa*, 319a «чудовище», этим словом называется великан Грендель в «Беовульфе»). Диавол в «Юлиане» – это и «враг рода че-

ловческого» (*feond moncynnes*, 317b), и вместе с тем «соперник героев» (*hæleþa gewinna*, 345b).

Отметим также введение эпической темы изгнания, которая выражается в таких наименованиях злого духа, как *werga* «отверженный», *earmsceapen* «жалкое создание», *earm aglæsa* «жалкое чудовище». Бес, побежденный в споре с Юлианой, начинает стенать и сетовать на свою участь, подобно персонажам героических элегий: «несчастный и печальный, запел он скорбную песнь» (*hearmleod agol*, / *earm ond unlæd*, 615b–616a). Интересно, что пребывание в аду Элевсия со спутниками, погибшими в кораблекрушении, трактуется как лишение их дружинного образа жизни: они не могут больше просить у вождя сокровищ, «чтоб в винном зале на скамьях пиршественных витое золото и кольца они получали» (*þæt hy in winsele / ofer beorsetle / beagas þegon*, / *ærppele gold*, 686b–688a).

Эпическая тема пира и пиршественного зала, как и тема битвы, неоднократно звучит в «Юлиане». Отец Юлианы, Африкан, напуганный тем, что дочь отказала в сватовстве его начальнику-префекту, стремится заслужить милость своего господина не где-нибудь, а в «винных бургах» (*winburgum in*, 83a). Данный композит, непонятный в контексте жития, на самом деле просто варьирует обозначение пиршественного зала (*winsele* «винный зал») в условиях римских реалий (укрепленных городов). Тем самым поведение Африкана сближается с поведением верного дружинника. При этом разгневанный префект именуется «страж царства» и «копыносец» (*rices hyrde*, 66b; *ðaraðhæbbende*, 68a).

Связан с темой пира и мотив сокровищ. Через упоминание сокровищ жениха, представляемых в эпических терминах (*feoh-gestreona*, 102a), отец пытается добиться согласия девы на брак, а символом его гнева служит его отказ в дарении дочери сокровищ (117–118). Эпические темы появляются и в рассказе беса – так, затеянная им распря между соперниками начинается, разумеется, в «винном зале» (*in winsele*, 487b), а сам он окутывает людей своим «ядовитым дыханием» (*þurh attres ord*, букв. «ядовитым острием», 471a), как мифический дракон в «Беовульфе» (в «Юлиане» – в переносном смысле, ослепляя их дурными мыслями).

Таким образом, введение в поэму героико-эпических реалий преобразует хронотоп житийного нарратива, придавая ему пространственно-временные координаты мифа и легенды. Мир новый, ранее неизвестный англосаксам (как земной, так и трансцендентный), предстает в знакомых образах древних германских преданий.

Вместе с тем эпизация рассказа не мешает его дидактической направленности, что достигается за счет расширения отсылок к библейской, Священной истории в речах демона, которого Юлиан

вынуждает сознаться, что он – виновник всех бед в истории человечества (упоминаются грехопадение Адама и Евы, распри между народами, усекновение главы Иоанна Предтечи, распятие Христа, казни апостолов, и т. п.). Речи беса становятся источником сведений, позволявших монастырскому поэту объяснить пастве природу зла и познакомить как с историей его появления, так и с «техникой» его воздействия на человека. А евангельские аллюзии в предсмертной речи Юлианы, в которой она призывает народ положить в основание жизни «Живой Камень», т. е. Христа (ср. *to þam lifgendan / stane stiðhyde / staþol fæstniad*, 653b–654), превращают ее в настоящую проповедь. Святая призывает слушателей «укреплять свой дом» (т. е. не строить его на песке, ср. Мф. 7:24), чья «стена» должна противостоять «натискам бурь, греховным помыслам» (ср. *þæt ge eower hus / gefæstnige, / þy læs hit ferblædum / windas toweorpan. / Weal sceal þy trumra / strong wiþstondan / storma scurum, / leahtra gehygdum*, 649b–652a).

Поведем итоги. Хронотоп древнеанглийской агиографии в целом отвечает континентальным житийным канонам, включая в себя три вида пространственно-временных координат, отображающих 1) земные события в жизни святых, 2) отсылки к Священной истории и 3) взаимодействие святых с потусторонним, трансцендентным миром. В житии святого епископа земной план превалирует над двумя другими, что отвечает характеру его деятельности и власти. В рассказе о жизни отшельника-аскета, напротив, значительное место занимает отсылка к библейским, особенно евангельским событиям (прообразующим поступки святого), а также его контакты с миром трансцендентного. В житиях дев-мучениц последние выдвигаются на первый план, в то время как земные координаты сведены к минимуму, а библейские аллюзии выполняют назидательную роль. В поэтическом житии девы-мученицы Юлианы значительно возрастает влияние германской мифоэпической традиции, которое проявляется в эпизации и гиперболизации обрисовки мира земного и трансцендентного благодаря использованию героико-эпических мотивов и фразеологии.

### *Источники*

Гвоздецкая 2017 – Древнеанглийское житие святителя Николая / пер. с древнеангл., коммент., науч. ред. Н.Ю. Гвоздецкой // Сретенский сборник: Научные труды преподавателей СДС. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. Вып. 7–8. С. 127–148.

Гвоздецкая 2022 – Эльфрик Грамматик. Житие святой Агафии / Пер. с древнеангл., коммент., науч. ред. Н.Ю. Гвоздецкой // Сретенский сборник: Научные труды

- преподавателей СДА. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2022. Вып. 11–12. С. 61–67.
- Кувшинская 2015 – Житие святого Эгидия, составленное неизвестным автором (“Acta Sanctorum”) / пер. И.В. Кувшинской // Святой Эгидий, византиец на Западе: Житие и почитание / ред.-сост. М.Г. Талалаи. СПб.: Алетейя, 2015. С. 19–38.
- Donovan 1999a – Women Saints’ Lives in Old English prose / ed. by L.A. Donovan; transl. from Old English with introduction, notes and interpretive essay. Cambridge: D.S. Brewer, 1999. 142 p.
- Foys 2019 – Old English poetry in facsimile 2.0 / ed. by M. Foys et al. Center for the History of Print and Digital Culture, University of Wisconsin-Madison, 2019. URL: <https://oeopetryfacsimile.org> (дата обращения 25.12.2024).
- Skeat 1966 – Ælfric’s Lives of Saints / ed. by W.W. Skeat. 2 vols. L.: N. Trübner & Co., 1881–1885, 1890–1900. Reprinted as 2 vols, 1966. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/%C3%86lfric%27s\\_Lives\\_of\\_Saints](https://en.wikisource.org/wiki/%C3%86lfric%27s_Lives_of_Saints) (дата обращения 10.12.2024).
- Treharne 1997a – The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. 219 p.

## Литература

- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Гвоздецкая 2016 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беовульф») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 168–178.
- Гвоздецкая 2018 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Преподобный Эгидий – уроженец Афин и святой Франции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. Вып. 56. С. 109–124.
- Donovan 1999b – *Donovan L.A.* Introduction // Women Saints’ Lives in Old English prose / ed. by L.A. Donovan; transl. from Old English with introduction, notes and interpretive essay. Cambridge: D.S. Brewer, 1999b. P. 1–23.
- Donovan 1999c – *Donovan L.A.* Interpretive essay. The gendered body as spiritual problem and spiritual answer in the Lives of Women Saints // Women Saints’ Lives in Old English Prose / Ed. Leslie A. Donovan. Transl. from Old English with Introduction, Notes and Interpretive Essay. Cambridge: D.S. Brewer, 1999c. P. 121–134.
- Treharne 1997b – *Treharne E.M.* Introduction // The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. P. 1–78.
- Treharne 1997c – *Treharne E.M.* Appendix I: The transmission of the legend of St. Giles // The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / Ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. P. 125–130.

## References

---

- Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki* [Essays on literature and aesthetics], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.
- Donovan, L.A. (1999), "Introduction", in Donovan, L.A., ed., *Women Saints' Lives in Old English prose*, D.S. Brewer, Cambridge, UK, pp. 1–23.
- Donovan, L.A. (1999), "Interpretive essay. The gendered body as spiritual problem and spiritual answer in the Lives of Women Saints", in Donovan, L.A., ed., *Women Saints' Lives in Old English prose*, D.S. Brewer, Cambridge, UK, pp. 121–134.
- Gvozdetzkaya, N.Yu. (2016), "Formularity and lexicon of ritual speech in the Old English heroic epic (on the material of the introduction of direct speech in the poem "Beowulf")", *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 15, no. 4, pp. 168–178.
- Gvozdetzkaya, N.Yu. (2018), "Venerable Egidius – a native of Athens and a saint of France", *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*, iss. 56, pp. 109–124.
- Treharne, E.M. (1997), "Introduction", in Treharne, E.M., ed., *The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles*, University of Leeds, Leeds, UK, pp. 1–78.
- Treharne, E.M. (1997), "Appendix I: The transmission of the legend of St. Giles", in Treharne, E.M., ed., *The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles*, University of Leeds, Leeds, UK, pp. 125–130.

### Информация об авторе

Наталья Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19/3; ngvozd@yandex.ru

### Information about the author

Natalia Yu. Gvozdetzkaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia; bld. 19/3, Bolshaya Lubyanka street, Moscow, Russia, 107031; ngvozd@yandex.ru